

УДК 115.4:130.121

«АРИСТОТЕЛИЧНОСТЬ» Ч.С. ПИРСА КАК СВОЙСТВО СОЗНАНИЯ

Мстислав Казаков

*Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского,
факультет социологии и права, кафедра философии
пр. Победы, 37, 03056, г. Киев, Украина*

В статье рассматривается концепт «аристотеличности», сконструированный Чарльзом Сандерсом Пирсом для проблемы континуума в его исследованиях, посвященных философии континуума и философии сознания. Автор статьи предпринимает попытку применения концепта «аристотеличности» в качестве экспозиции его как одного из свойств сознания, элемента, обеспечивающего длительность и непрерывность потока сознания, в котором каждое ощущение, независимо от его формы или интенсивности, понимается как ряд отношений, непрерывно изменяющихся и переходящих друг в друга. Аристотеличность сознания, в свою очередь, обеспечивает единство потока этих отношений, их транзитивность и коэкстенсивность бытию сознания, оставаясь своего рода «фокальной точкой» целостности восприятия и мышления.

Ключевые слова: аристотеличность, интенциональность, сознание, континуум, философия сознания.

Аристотеличность – понятие из области философских проблем континуума, сконструированное Чарльзом Сандерсом Пирсом, одним из последних крупных американских метафизиков, в статье «Закон разума» [1, с. 533–559]. Как можно заключить из названия концепта, Пирс опирается на идеи, высказанные Аристотелем в его «Физике» относительно проблем непрерывности и бесконечности. В связи с этим для предварительного разбирательства обратимся к самому Аристотелю. Среди серии определений непрерывности и следствий этих определений Аристотель определяет континуум как нечто, чьи части обладают общим пределом (или как не имеющее предела, в связи с чем общностью частей континуума является отсутствие этого предела [2, с. 111–112]). «Если <...> непрерывны те предметы, края которых сливаются в одно, соприкасаются те, у которых они вместе, а следуют друг за другом те, между которыми нет ничего принадлежащего к их роду, то невозможно, чтобы что-либо непрерывное состояло из неделимых частей, например, линия из точек, если линия непрерывна, а точка неделима. <...> Точкам, из которых составлено непрерывное, необходимо быть непрерывными или касаться друг друга» [2, с. 175].

В каком смысле можно в данном случае говорить о непрерывности точек? По мнению Аристотеля, точка не может быть непрерывной. Однако, по нашему мнению, она не может быть таковой лишь в «строго нематематическом», неисчислимом смысле (а ведь физика Аристотеля является именно «нематематической»!). Несмотря на то, что целью нашей статьи является демонстрация потенциала концепта аристотеличности именно в нематематической области (в философии сознания), прежде всего, необходимо решить проблему бесконечности точки, придя отсюда к концепту, изобретенному Ч.С. Пирсом. К примеру, возьмем отрезок АВ, где А = 0, В = 1, который можно бесконечно дробить на точки (а = 0,1, b = 0,2, c = 0,3, ..., n), а эти точки, в свою очередь, на aa = 0,11 (aaa = 0,111, aaaa = 0,1111 и т. д.) каждую. Относительно А и относительно В, говорит Пирс, должна существовать точка в этом непрерывном ряду (обладающая числовым значением), которая будет представлять собой минимальное действительное число (если брать его численное значение), превосхо-

дящее по своему значению каждое число бесконечного ряда. О существовании такой же точки (материальной) говорит и Аристотель, постулируя ее наличие.

Однако, признавая точку сходимости бесконечных последовательностей рядов, мы попутно признаем и существование «бесконечной точки». Бесконечность точки в этом случае должна пониматься как ее непрерывная делимость в рамках задаваемого предела (к примеру, для a – это 1, для b – 2 и так далее; вполне очевидно, что между a , b , aa и bb могут существовать точки со значением, к примеру, $ab = 0,12$ и любыми другими значениями, не превышающими значения B или не меньше A). Свойство же непрерывности (континуума) содержать в себе точку, которая будет общей (и наиболее мощной) для каждого ряда, который мы условно можем задать в континууме AB , и будет свойством аристотеличности по Пирсу: «Свойство аристотеличности можно грубо задать следующим образом: континуум содержит конечную точку, принадлежащую каждому бесконечному ряду точек, которые он содержит» [3, с. 355]. И хотя между любыми двумя точками возникают бесконечные ряды точек (a между ними могут возникнуть еще ряды), мы всегда можем найти конечную точку, обладающую числовым значением, точку, которая по своим свойствам может быть представлена (и является по факту) как элемент каждого из рядов, превосходя каждый из элементов ряда в отдельности.

Независимо от того, выполняем ли мы конкретные операции с этой точкой или просто подразумеваем ее наличие в континууме, она представляет собой в сущностном смысле не что иное, как *длительность*. В данном случае длительность должна быть понята как особая интерпретация понятия существования, которую мы встречаем у Анри Бергсона [4]. «Длиться» означает быть протяженным в настоящем, отрицаться, истекать в прошлое и непрерывно воспринимать эмерджентность будущего, входящего в настоящее, понятого как не до конца детерминируемый (всегда) ряд других событий и длительностей, имеющих тот или иной тип отношения к воспринимающему эти длительности сознающему субъекту. «Настоящее связывается с прошлым посредством ряда бесконечно малых шагов», – пишет Пирс [3, с. 347]. Пожалуй, следует сделать оговорку: настоящее в этом случае связывается с прошлым непосредственно для воспринимающего, мыслящего, существующего субъекта. Каждый такой малый шаг бесконечно дробится на еще меньшие шаги, независимо от того, можем ли мы сознательно эти шаги ухватывать и каким-либо образом воспринимать. Однако в этом сознательном восприятии мы, в сущности, и не нуждаемся: каждый такой шаг может восприниматься как отдельно взятый «кадр киноплёнки», как срез реальности без времени.

Как мы знаем благодаря современной физике, физическая реальность с точки зрения здравого смысла, то есть то, что мы условно можем назвать «пространством без времени», является фикцией: пространство и время неразрывны, одно не может реально существовать без другого (раздельное их существование и определения – лишь конструкции человеческого ума). Поэтому сам по себе подобный «срез реальности» является: 1) идеализацией, используемой с определенными предметно-практическими целями (наука, искусство, обыденная деятельность); 2) условным допущением, представлением некоего возможного мира без времени; 3) элементом мысленного эксперимента, в котором мы, как и Пирс, стараемся продемонстрировать непрерывность длительности того или иного события, нечеткость границ смены событий.

Наш случай – 3. Так, мы можем взглянуть на двухцветную (красно-голубую) поверхность и задаться вопросом: до каких точек делима граница между двумя цветами? Ответ: эта граница находится за пределами того, что воспринимается нами как цвет, ибо в пределах видимости (даже при наличии вспомогательного когнитивного инструментария) точка

будет иметь либо красный, либо голубой цвет. Но не бывает красно-голубых точек. В своем поиске мы, в лучшем случае, дойдем до элементарных частиц, из которых состоит сама окрашенная поверхность, а частицы эти будут лишены того, что мы можем воспринимать как цвет. Чтобы узнать об их окрашенности или некоей предрасположенности к окрашенности, к превращению в элемент красного или голубого фрагмента поверхности, нам необходима специальная аппаратура, которая была бы способна определять актуальный «цвет» элементарных частиц или предрасположенность к «цветности» на статистическом уровне (однако если здесь мы будем всецело полагаться на аппаратуру, нерешенным останется вопрос об источнике обоснования истинности выводов прибора при отсутствии возможности рефлексии и какой-либо другой сверки результатов). И все же в этой области бесконечно малых физических величин мы, во-первых, имеем дело все с той же поверхностью, а во-вторых – имеем дело с непрерывностью, с перетеканием одного свойства (красноты) в другое (голубизну) без каких-либо скачков. Скачок между цветами – это лишь одна из модальностей восприятия, один из возможных способов видения двухцветной поверхности, но не единственный. При непрерывном приближении в момент исчезновения цвета мы констатируем непрерывность окрашенной поверхности даже в том месте, в котором, как мы можем утверждать, имеет место переход одного цвета в другой. В таком случае временной аспект исключить невозможно. Несмотря на видимую нашим глазом (или нашими приборами) статику воспринимаемой материи (пусть даже мы говорим об условной «статичности»), сам процесс ее восприятия происходит во времени. При этом от воспринимающего субъекта чаще всего ускользает наличие времени в существовании поверхности в целом. Это ускользание обусловлено видимостью неизменности поверхности. Такого рода видимость порождает для обыденного разума иллюзию «покоя» и «недвижимости».

Но что изменяется в непосредственном акте взаимодействия субъекта и воспринимаемой им поверхности? Изменение происходит в нашем сознании, которое в одном случае наблюдает дискретность (прерывистую границу между двумя цветами), а в другом – наблюдает непрерывность. Однако ощущаем мы один и тот же объект, одну и ту же поверхность. Ощущение в принципе логически (равно как и интуитивно, в том числе с точки зрения «народной психологии») предполагает непрерывный уровень интенсивности чувствования вообще, различающегося по сущностному содержанию. Сущностное же содержание, в свою очередь, задается отношением сознания чувствующего субъекта к внешним объектам, относительно которых субъект говорит: «Это мной ощущается».

Итак, ощущения – это отношения, взаимодействие между воспринимающим и вещью, которая им воспринимается. Ментальное предидирование в любой своей форме сущностно всегда *относится*, причем изменения в этом отношении происходят «плавно», нечетко. Эта нечеткость может быть охарактеризована языком нечетких множеств в первоначальной формулировке, которую мы встречаем у Лофти Заде [5]: так, X – это сознание эмпирического субъекта, взятое «вообще», «в целом», то есть сущностно, но без эмпирического наполнения сознания фактами; x – элемент X , входящий в него как в универсальное множество, единичное состояние сознания (state of mind); наполнение же сознания, его фактуальное содержание, может быть обозначено как некое X^* , коэкстенсивное в длительности и локализации X , однако состоящее из определенных элементов, производных от x по степеням принадлежности к нему (и здесь наша трактовка расходится с репрезентацией нечеткого множества у Заде): $x_{i1}, x_{i2}, x_{i3}, x_{i4}$. Таким образом, x_{i1}, x_{i2}, x_{i3} и x_{i4} , на которые распадается x , принадлежит X^* и только ему, в то время как x принадлежит к X как «единичное ощущение сознанию», а содержание сознания составляют разные степени ощущения x , протекающие также и во времени, поэтому отличные друг от друга качественно

(по интенсивности). Тем не менее, тождество X и X^* нельзя постулировать, поскольку между элементами присутствует нематематическое, онтологическое различие: X^* состоит из раздробленных (бесконечно дробимых потенциально), перетекающих друг в друга серий ощущений, в то время как X репрезентируется сменой целостных («дискретных») ментальных состояний (x, y, z, \dots, n), где границы между ними могут в лучшем случае быть определены через «общую точку». К примеру, пользуясь этой геометрической метафорой, можно сказать, что «у» сменяет «х» в точке O , а «z» сменяет «у» в точке O и так далее. X – формальная модель, в то время как X^* являет собой не просто занятный казус с континуумом ментальных состояний, но также фактическое, эмпирическое описание того, что Уильям Джеймс называет потоком сознания.

Поток сознания одновременно может быть представлен как отдельный феномен, а также является способом существования сознания вообще, одним из его свойств. Джеймс указывает на него как на одно из четырех фундаментальных свойств сознания: «Всякое личное сознание представляет непрерывную последовательность ощущений» [6, с. 49]. Ощущения в данном случае, естественно, понимаются широко – и как сенсорные данные, и как ментальные состояния (от простого обдумывания данных до рефлексии), и как их синтез. Далее, говоря о потоке сознания, Джеймс выражает фундаментальную мысль, которой мы будем следовать для прояснения вопросов, связанных с нашим исследованием, в частности, с тем, что мы называем «аристотеличностью сознания»: Положение «сознание непрерывно» заключает в себе две мысли: 1) мы сознаем душевные состояния, предшествующие временному пробелу и следующие за ним как части одной и той же личности; 2) перемены в качественном содержании сознания никогда не совершаются резко [6, с. 54]. И если первая мысль относится к ситуациям 1 и 2, представленным выше, то вторая мысль непосредственно относится к предмету нашего исследования – к ситуации 3. Нерезкость переходов в данном случае означает их нечеткость: качественное различие порождается сменой интенсивностей – достижением каждым процессом пикового состояния вследствие восхождения и угасанием его в сознании. Эти процессы могут быть симультанны, поочередны, им может быть присущ определенный ритм или они могут возникать «случайным» образом. Каждому ощущению, понятому как элемент X^* , присущи свои серии отношений, принадлежащих к сознанию и к объекту в определенный момент в той или иной степени.

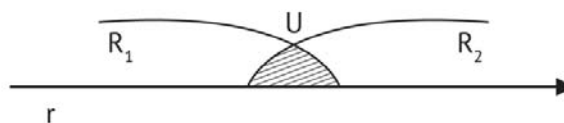
Строгой классификации интенсивностей Джеймс, естественно, не предоставляет: «В мозгу распределение нервных процессов выражается то в форме относительно долгих напряжений, то в форме быстро переходящих изменений» [6, с. 58]. Однако определенного рода схема динамики интенсивности, о которой Джеймс пишет как о динамике нарастания и затухания, к примеру, боли от укола или сигнала паровоза, по нашему мнению, может быть представлена. Интуитивно и наиболее наглядно ее можно представить как совокупность неравномерно дробимых и распределяемых точек.

Таким образом, наиболее интенсивным участком, в котором, как может сказать сам субъект, «концентрируется» наиболее яркий момент ощущения, здесь является совокупность точек ABC. Сознание всегда «заинтересовано» или «сосредоточено» не только на том или ином объекте (вещи), оно не просто выбирает между вещами, но также выделяет определенные стороны объекта, его элементы, отвергая или предпочитая те или иные его

составляющие. Это непосредственно влияет на наши ощущения и ментальные состояния и всегда представляет собой динамические взаимоотношения.

Даже резкий укол иглой, влекущий за собой ощущение боли (обозначим его как R_2), не «дискретен» онтологически относительно предшествовавшей ему безболезненности (R_1). Это станет ясно, если мы начнем дробить каждое из ощущений-отношений (момент их смены и перехода R_1 в R_2) до бесконечно малых мгновений во времени и в длительности субъективного времени-пространства (субъективной реальности). Взглянем на схему, которая может продемонстрировать нам описанное. Схематически продолжительность ощущений и смена их в потоке сознания могут быть выражены следующим образом:

Область с вершиной U определяет собой участок «перехода», единство двух отношений в определенном бесконечно малый момент времени. Обеспечение этого единства – не просто одна из функций сознания. U можно назвать «точкой аристотеличности» в потоке сознания, проявлением того его свойства, в котором некая «точка» субъективности в потоке сознания, выхваченная из него, относится и к R_1 , и к R_2 , не являясь однозначно их элементами, но парадоксальным образом являясь элементами обоих совокупностей сразу. Условно говоря, U как некий «пик» состоит из интервала $[r_{11}; r_{21}]$, где два r условно представляют собой крайний предел первого отношения к ощущаемому миру, а также первичный «импульс» (начало второго). Для нас оно непознаваемо, это мгновение перехода неуловимо, квазидискретно (выглядит дискретным, таковым не являясь), исчисляемо в метрических системах макромира и только в них. По факту же смена отношений непрерывна, заключена в r как *одном* фундаментальном модусе отношения к миру единичного индивидуального субъекта ($[R_1, R_2, R_3, \dots, R_n] \subseteq r$). Это то Единое по Плотину, которое не исчисляется, поскольку единство подразумевает здесь целостность, собранность в единство частей, мертвых вне этого целого, и невозможность «счета», поскольку за Единым в данном случае нет ничего – ни «Двойного», ни n -ного вообще. N -арными являются отношения Единого ко внешним Единствам подобного рода, и исчисление здесь проводится уже согласно положениям феноменологии и позитивной науки. В единстве же сознания субъекта как Единого такого исчисления нет. Непрерывность сознания, его «невывислимость» и «неподсчитываемость» *представляются* субъектом, но не *осознаются*.

Каждому модусу (части модуса) ощущения соответствует свой временной отрезок. Так, предположим, ситуация с резким уколом может быть представлена в формальном (дискретном) виде следующим образом: $(t_1 - R_1) \rightarrow (t_2 - R_2) \rightarrow (t_3 - R_1')$, где R_1' представляет ощущение после боли: возвращение к состоянию «ощущения безболезненности» или к любому другому конкретному состоянию, в котором состояние боли от укола ликвидировано, но последнее при этом содержится уже как компонент телесного опыта конкретного индивида. Само по себе время, указанное в этом выражении, не должно обязательно поддаваться исчислению. Оно может предполагаться и как нематематическое в аристотелевском смысле, и как бергсоновская чистая длительность [4]. Таким образом, это время может обозначаться (получать значения) как «до», «после», «во время», «в момент», «сейчас», «потом» и др. Иными словами, время здесь может быть осмыслено как особого рода отношение.

Все эти «до» и «после», естественно, всегда следует рассматривать как относительные, поскольку они мыслятся и наблюдаются относительно определенного, вполне конкретного и всегда задаваемого через конструирование Standpunkt'a «осевого» времени t^* , на которое нанизываются (в обе стороны – прошлое и будущее) его партикулярные *моменты*, важные для субъекта и им же выделяемые именно как моменты. Относительность времени определяется, таким образом, наблюдателем, устанавливающим онтологическую «маркировку» на бытии и времени – от нее совершается отсчет и на ее основе делается исчисление или «набросок» нематематического типа, направленный на пространственность и телесность, иными словами – на реальное проявление отношений, на человеческое присутствие. Таким образом, данное нематематическое время является, как это ни парадоксально, в философском смысле временем физическим, относящимся к современной релятивистской физике и к общему основанию теории относительности. В философском смысле понимание времени в теории относительности может быть выражено следующим образом: как бы ни длилось субъективное время на самом деле относительно времени в мире и как бы ни длилось время в мире (физической реальности) само по себе, оно может мыслиться, маркироваться, измеряться, разбиваться на отрезки лишь ограниченным количеством способов, доступным сознанию познающего субъекта.

Совсем иначе обстоит дело с ощущением как отношением: оно (с момента возникновения первого отношения внутри сознания субъекта) всегда уже было отношением к чему-то, отношением «к», еще до бытия *«этим вот»* конкретным отношением x . Отношение – это условие всякого события, а событие – условие всякого ощущения, ощущение – содержание состояния сознания. Поток сознания и входящий в него поток ощущений всегда направлены друг на друга (включая моменты бессознательной жизни индивида), не прерываясь, но меняя характер взаимоотношений. И подобное постоянство неразделимо, это постоянство представляет собой некую «точку», входящую во все ряды бесконечно дробимых и сменяющих друг друга ощущений, в то, что Джордж Герберт Мид, следуя Уайтхеду, называет «сериями». Он же, говоря о непрерывности, указывает на различия между теми или иными типами отношений между сознанием и внешним миром: «сознание есть отличие, возникающее в среде вследствие ее связи с организмом в его органическом процессе приспособления, и в то же время отличие в организме, возникающее в силу изменения, произошедшего в среде» [7, с. 46]. Если первое отличие описывается, к примеру, теорией эволюции или космологией, то второе отличие – это уже серия различий, о которой было сказано выше, представляемая сменами интенсивностей ощущений в потоке сознания, ощущений, предстающих как события или их серии; предмет психологии и философии сознания.

Будущее сознание эмерджентно лишь отчасти – в некоем не-присутствии событий, о которых разум еще не знает. Однако неизменным в сознании остается то (на психофизиологическом уровне), что делает возможным непрерывное восприятие мира и деятельностное отношение к нему как «обратную связь», как ответ миру со стороны самого субъекта. Постфактическая рационализация, детерминирование и установление «каузации задним числом», присущие как обыденному, так и научному сознанию, проистекают первоначально из одного и того же свойства – свойства «постоянства», воспроизводства отношения субъекта ощущений к ощущаемому миру, фундаментального свойства потока сознания индивидуального субъекта. «Желая уловить переходное состояние сознания, мы вместо того находим в нем нечто вполне устойчивое – обыкновенно это бывает последнее мысленно произнесенное нами слово, взятое само по себе, независимо от своего смысла в контексте, который совершенно ускользает от нас», – пишет Джеймс по поводу такого постоянства

[6, с. 56]. По нашему же мнению, ответ следует искать не в интерпретации явления потока сознания у Джеймса (несмотря на то, что его концепция интенсивности и по сей день представляет огромную ценность для философии сознания), намного более плодотворной в качестве источника постоянства является концепция «аристотеличности» у Чарльза Сандерса Пирса, о которой мы говорили в начале статьи.

Все это ведет нас к следующему выводу. Аристотеличность сознания – это то, что обеспечивает саму изменчивость психических процессов, превосходя воспринимаемые вещи своей возможностью различать, отличать, воспринимать, реагировать, отображать, при этом сохраняя единство и постоянство сознания субъекта (соответственно, при утрате целостности идентичности уместно говорить и об утрате аристотеличности). Это «превосходство», конечно же, не может постулироваться как нечто однозначно «высшее»: скорее, это превосходство «по различению». Различие свойств воспринимающего субъекта, дающих возможность субъекту быть «элементом» цепей событий, в которые он сознательно включается на уровне восприятия (созерцания) и действия (активного и пассивного), онтологически фундаментально отличаясь от сущности самого события, пространства-времени, в котором событие протекает, и от тождественных ему субстанциально других сознаний, обеспечивает онтологическую исключительность в факте своего бытия индивидуальностью. Аристотеличность сознания означает его равноотдаленность от мира вообще, способ его «раздваивания», дробления на воспринимающее сознание, сознающее само себя, и мир вещей, а в мире вещей – на Первое (уже познанное, известное нам) и Второе (непознанное, неизвестное, непосредственное, погруженное в Абсолют и готовое в любой момент предстать перед нами в качестве чего-то радикально нового и неизвестного, изменив до оснований нашу парадигму знания). «Каждый из нас раздваивает мир по-своему» [6, с. 68].

Третьим же, как верно подмечает Пирс [3], является отношение между Первым и Вторым и между тем, кто устанавливает это отношение, выступая по отношению к Первому и Второму объектам как Другой, инстанцирующий и артикулирующий их как сущности и помещающий в систему собственного знания, а также включающий их в систему своей предметно-практической деятельности, творя вторую природу вещи самим фактом ее использования, выходящую за пределы бытия вещи для самой себя. Третье – это не феномен, но отношение или отношения между феноменами. Способность устанавливать и фиксировать эти отношения, то есть нечто, не присущее вещам изначально, превосходящее вещи в их бытии для себя, доступно лишь мыслящему сознанию. Это Третье, превосходящее вещи, и есть то самое «полезное различие» сознания, делающее его «аристотеличным» по отношению к другим конечным вещам. Сознание также конечно, но оно аристотелично в том смысле, что существует как континуум, направленный в эмерджентное существование единичного субъекта, условно бесконечный, сущностно – конечный, однако для каждого единичного сознания – недетерминируемо конечный (нельзя с точностью предсказать место и время прерывания *этого конкретного* потока сознания).

Тот факт, что сознание может быть помыслено и представлено как континуум с неравномерным распределением интенсивностей, то есть неравномерным дроблением континуума на точки, на формальном уровне уже обеспечивает его аристотеличность, поскольку она, как показывает Пирс, присуща континууму вообще. Мы же говорим о том, что помимо формального аспекта аристотеличность «нематематическая» присутствует в сознании как его неотъемлемое свойство, вытекающая из другого свойства сознания – его «потоковости». Сущность сознания как потока подразумевает наличие в нем неограниченного числа и неопределенного (равно как и неопределяемого) количества и качества мыслей и ощущений. Эти мысли и ощущения суть то, что наполняет само это сознание. И относительно каждого

ряда мыслей и ощущений есть свое единичное, а в каждом единичном – свое особенное, то, благодаря чему мы говорим, что сознание «длится» или «относится к» самому себе или к другой вещи (другому сознанию). Это единичное-особенное мы и называем аристотеличностью континуума сознания. Вполне очевидно, что поскольку само сознание не является «умозрительным», но представляет собой факт физической реальности, таким же фактом (а более точно – предикатом, свойством этого факта, его элементом) является и аристотеличность, понимаемая уже не как условная математическая точка, задаваемая формально как алгоритм, но как черта, как особенность («feature»).

Говоря, что мир независим от моих инструментов познания, я утверждаю также не только о независимости данных опыта как их конституирующем свойстве, на котором основывается понятие объективности; вместе с тем я говорю и об особенном, исключительном характере инструментов познания, как сконструированных в ходе практической деятельности, так и присущих непосредственно разуму без вспомогательных средств. Эмерджентное всегда предстает для нас в процессе взаимодействия с миром, познавательного к нему отношения, в наблюдении противоречащих нашим данным фактов, «вторых фактов». При этом сознание всегда готово к столкновению с этими противоречащими фактами, утверждая их в качестве критерия собственного развития и движения. (Действительно, о каком движении сознания могла бы идти речь, если бы оно «двигалось» по кругу, мыслью одно и то же об одном и том же? Формальное различие, заключающееся в неповторимости физической основы мысли – мозга – безусловно, имело бы место, однако содержательно мы имели бы дело не с движением, а с повторением, порочным кругом имитации мышления, с извращенной формой мысли.)

«Сказать, что ментальные явления управляются законом, означает не просто то, что они описываются общей формулой, но еще и то, что существует живая идея, осознаваемый континуум чувства, который пропитывает их и которому они повинуются», – подытоживает Пирс свои исследования «Закона разума» [3, с. 370]. Повиновение в данном случае понимается, безусловно, двояко: как повиновение разума объекту и как повиновение хода мысли (потока сознания) своим имманентным конституентам. Живая идея, о которой идет речь, в данный момент разрознена и невыразима, а над ее выражением бьются ученые-когнитивисты, нейрочеловеки и философы всего мира. Если мы примем за константу «перспективу от первого лица», мы ничего не добьемся, вернувшись либо к одной из форм дуализма, либо к так называемому «картезианскому материализму». Нам необходимо найти константы континуума чувств, общие в интерсубъективном смысле и познаваемые гетерофеноменологически. Соответственно мы должны констатировать, что подобный «закон разума» до сих пор остается загадкой (как для философии, так и для наук о сознании в целом). Однако некоторые существенные компоненты этого закона в процессе философского и научного познания постепенно эксплицируются. И аристотеличность сознания по Пирсу, безусловно, является одним из таких компонентов.

Список использованной литературы

1. Pierce C.S. The Law of Mind / C.S. Pierce // *The Monist*, v. II, n.4, July, 1892. – pp. 533–559.
2. Аристотель Сочинения. В 4-х т. Т. 3: Перевод / Вступ. статья и примеч. И.Д. Рожанский. – М.: Мысль, 1981. – 613 с.
3. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Ч.С. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
4. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь / А. Бергсон; [пер. с фр.]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 399с.

-
5. Zadeh L. Fuzzy sets / L. Zadeh // Information and control, Т. 8, n. 8, 1965. – pp. 338–353.
 6. Джеймс У. Психология / У. Джеймс. – М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2011. – 318 с.
 7. Мид Дж. Философия настоящего / Дж. Мид; пер. с англ. В. Николаева, В. Кузьмина. – Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.

C.S. PIERCE'S "ARISTOTELICITY" AS A PROPERTY OF MIND

Mstislav Kazakov

*National technical university of Ukraine "Igor Sikorsky Kyiv polytechnic institute",
faculty of sociology and law, department of philosophy
Peremohy Ave., 37, 03056, Kyiv, Ukraine*

The article considers a concept of "aristotelianity" constructed by Charles Sanders Peirce for a problem of continuum in his research devoted to the philosophy of continuum and philosophy of mind. The author of the article makes an attempt to use the concept of "aristotelianity" in the quality of its exposition as one of the consciousness properties, in particular – element that ensures duration and continuity of stream of consciousness, in which each sensation regardless of its shape or intensity is understood as a number of relations, which are constantly changing and develop into each other. Aristotelianity of mind, in turn, ensures a unity of these relations, their transitivity and coextensivity for existence of consciousness, staying as a sort of "focal point" of oneness of perception and thought.

Key words: aristotelianity, intentionality, consciousness, continuum, philosophy of mind.